

**★ ВОЙНА ★
Я ПОМНЮ**

**ПРОЕКТ
АРТЕМА
ДРАБКИНА**

★ ВОЙНА ★
Я ПОМНЮ

БОМБАРДИРОВЩИКИ

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2018

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622
Б80

Б80 **Бомбардировщики.** — Москва : Яуза-пресс, 2018. — 320 с. — (Война. Я помню).

ISBN 978-5-9955-0988-2

Они наносили удары по врагу днем и ночью, с пикирования, с «горизонтали» и на бреющем, работали по переднему краю и вражеским столицам, стратегическим объектам и коммуникациям противника, аэродромам и кораблям. Они прорывались сквозь зенитный огонь и отражали атаки немецких истребителей, не раз возвращались из боевых вылетов «на честном слове и на одном крыле», горели в подбитых бомбардировщиках и неделями выбирались к своим с вражеской территории после вынужденных посадок...

Обо все этом, о потерях и победах, о кровавом ратном труде и фронтовом братстве летчиков-бомбардировщиков они рассказывают на страницах данной книги.

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9955-0988-2

© ООО «Яуза-пресс», 2018

КАРЮКОВ Валентин Дмитриевич

— Родился я в 1922 году на Кубани. В станице Славянской, город Славянск в настоящем. Но мы не из казаков, а из иногородних. Отец у меня рабочий был. Школу окончил в 1940 году и поступил в Краснодарское военно-авиационное училище. А знаешь, почему я решил в лётное училище поступить? Потому что еще когда был пионером, то в «Пионерской правде» напечатали то ли рассказ, то ли повесть «Сёмка-лётчик». А на рисунке он был изображен в клетчатой фуражке, такая черно-белая, и я как раз ходил в такой. Вот меня и прозвали в школе Сёмка-лётчик. Ну, раз такая кличка, значит, я вроде как должен стать лётчиком. Хотя под конец школы я решил стать моряком и надумал поступать в Ленинградское военно-морское инженерное училище. Но потом мне вдруг на глаза попало объявление, что в Краснодарское лётное училище проводится набор на летчиков-штурманов. Причем я даже не понимал, что штурман — это совсем

Карюков
Валентин Дмитриевич

не лётчик. Думал, раз такое двойное название, то у нас будут две совмещенные должности — и штурман, и лётчик. Но главное, что меня прельстило, в объявлении было написано, что начало занятий с декабря месяца. Елки-палки, моих друзей уже забрали кого куда, а мне еще до декабря отдохнуть можно. И я поехал в Краснодар. Вообще интересно у меня получилось. Приехал в училище, смотрю, тут группа собирается идти на экзамен. Ребята мне говорят: «Пошли экзамен сдавать!» — «Ладно, — говорю, — пошли». И сдал вместе с ними все экзамены, а оказывается, до экзаменов надо же медкомиссию пройти. А я ее не проходил, и прямо оттуда меня взяли на мандатную комиссию. Прошел собеседование, мне вручили отпускной до декабря месяца и зачислили в училище. Я сказал: «Привет!» — и через два дня уехал.

С декабря месяца начали заниматься. Изначально нас должны были выпустить в качестве лётчиков-штурманов, но, по-моему, в самом начале 1941 года училище перестроили в лётную школу. Тут тонкость в том, что из школы выпускают не офицерами, командирами, как тогда говорили, а сержантами. После этого мы в Краснодаре долго не задержались, и где-то в мае месяце, после парада, всю школу перебазировали в Канск, это городок в Красноярском крае. Туда в авиашколу помимо нас прислали ещё ребят из Харькова, в общем, уже там продолжили обучение. Учились, конечно, на самых простых самолетах старой конструкции — Р-5. Это такие самолеты-разведчики. А в июне началась война...

Мы хотели подать заявления, чтобы нас отправили на фронт до окончания обучения, но нам жестко объяснили: «Придет время — вас отправят!» Но время шло, а нас все не отправляют. Уже 42-й год наступил, мы тот же материал по второму кругу прошли, а нас всё не отправляют.

Самолетов-то нет. Всё, что более-менее приличное еще до этого собрали, укомплектовали инструкторами, курсантами и отправили на фронт. И осталась только полурухлядь, на которой мы и летали. Положение было тяжелое, в итоге в июне 42-го школу расформировали и всех курсантов перевели в ...Новосибирское пехотное училище, чтобы готовить из нас командиров минометных взводов.

— И как вы восприняли перевод в пехоту?

— Солдатское дело маленькое — что приказали, то и будешь делать. Тем более мы все время рвались на фронт, а тут хоть забрезжила надежда попасть туда. Но прибыли в Новосибирск и тоже задержались. По плану после ноябрьских праздников, после парада, мы должны были начать сдавать госэкзамены, после чего убыть на фронт. Но 6 ноября вдруг пришел приказ — откомандировать на пополнение гвардейских частей наиболее зрелых курсантов. Но если в пулеметном батальоне учились самые настоящие мальчишки — по 18 лет, то наш минометный состоял из бывших летных курсантов и мы уже по два года учились. Вот так получилось, что и это училище мы не окончили и нас отправили на пополнение гвардейских частей.

Приехали в Рассказово, это под Тамбовом, и там меня определили в 50-й артполк 24-й гвардейской стрелковой дивизии. Её тогда после выхода из окружения вывели на отдых и пополнение. И там мы узнали, что дивизию готовят для отправки на Сталинградское направление. Где-то в начале декабря выехали и прибыли под Сталинград в состав Донского фронта. Вот там уже состоялось мое боевое крещение.

— А кем вас назначили в этом 50-м артполку?

— Я попал в полковую разведку. Причем простым разведчиком, даже не сержантом, а самым настоящим

рядовым. И не только я, всех нас определили в рядовые, хотя у нас за плечами, считай, по два года училища. Ну, не важно. Понимаешь, нас готовили для штурмовой авиации, поэтому мы освоили много военных специальностей. Мы и радисты, могли на слух принимать морзянку по сто знаков запросто. Мы и топографы, и минометчики, и обычные пулеметы, конечно, знали. Так что когда нас перед эшелонами построили, то прямо как на рынке покупатели стали выбирать. Первый кричит: «Кто в радисты желает?» Ну, радисты же все, так что часть вышла в радисты. Дальше: «Кто артиллеристы?» В общем, называли специальности, и желающие выходили. А мы с товарищем стоим, слушаем всё это и решили: «Ну, выйдем, наверное, когда скажут «топографы». И, значит, объявляют: «В артиллерийский полк нужны топографы!» И не только мы, но и другие ребята вышли, и вот так очутились в этом артиллерийском полку. Но часть ребят определили в батареи, а нас в разведку. Артиллерийская разведка известно чем занимается — засекает огневые точки противника. Наша задача — обнаружение, наведение и корректировка по целям противника, так что работы хватало.

— **Быстро освоились?**

— А чего там осваиваться? Мы же минометное училище прошли, полевую работу и корректировку прекрасно знали. А потом я скажу, что штурманское бомбометание нас теоретически вот так научило всем этим артиллерийским нюансам.

Сталинградская битва выдалась очень тяжелая. Страшно было... После завершения окружения Сталинградской группировки наш Донской фронт стал наступать в сторону Новочеркасска. Там тоже пришлось очень и очень сложно. Как раз случились первые февральские

оттепели, снег начал таять, кругом вода, по дорогам не проехать, у нас в валенках всё шкворчит... В общем, всё мокрое, а тут еще мокрый снег, дождик какой-то, и вот так мы немцев догоняли. Но пока мы идем, они уйдут. Потом завязывается бой — опять они оторвались, опять мы их догоняем. Но они же на технике, а мы на своих двоих, и всё равно догоняли.

— А полк на конной тяге был?

— Половина полка гаубицы возили на автомобилях, а пушки на конной тяге. Но понимаешь, вот эта вот слякоть и бездорожье просто убивали. Днем тебя дождик поливает или мокрый снег, эти шинели мокрые насквозь, ноги промокшие, а костры разжигать нельзя и спать негде... Вот так и сохло на нас всё это дело. Утром снова пойдём, и вот смотришь — идет колонна, а над ней пар. Вот так вот сушимся на ходу... Но к тому времени от нашего разведвзвода осталось всего ничего, человек пять, и нас временно, до пополнения, распределили в штаб. А там в один из дней меня вдруг вызывает оперуполномоченный особого отдела дивизии: «Будешь моим ординарцем? Ты мне как раз подходишь». Я удивился даже. «Ну, подумай до вечера, и если готов, приходи». Ну, я подумал и согласился. Но недолго я у него пробыл. Месяца два всего, с февраля по апрель. За это время меня и ранило, правда, не особенно сильно, и ещё контузило немного. А получилось так.

Однажды пошли с ним в штаб полка. Приходим, он ушел к командиру, а я пошел туда, где рядовой состав коротает время. Там в комнате человек пять находилось, кто-то шутил, другие — смеялись. И вдруг слышу, летят бомбардировщики немецкие. А я их по звуку уже хорошо определял. Летят, и чувствую, что уже дело близко. И вдруг засвистели бомбы. Бежать из дома в щели было

поздно, но нужно же что-то делать. И под крик «Ложись!» я как был упал на пол и прижался головой к стене. И тут несколько оглушительных взрывов... Знаешь, если от тебя в каких-то десяти метрах рвется бомба, то, наверное, звук хороший.

Когда очнулся, все тихо. Первое движение, это у меня уже отработано было, руками раз — пальцами пошевелить, руки целые, ноги целые. Значит, это нормально, но сдвинуться не могу, на мне что-то навалено. Подумал, если продвигаться вперед, там стена, не пройду. Остается только назад как-то вылазить. И знаешь, мне повезло, вылез. А как выбрался, посмотрел, оказывается, этот дом разнесло в пух и прах, всё обрушилось...

А я стою, ничего не соображаю и не слышу ничего. Оглушило так... Стою, смотрю на это — там дымок, там дымок, там, тут уже другие солдаты подошли. В общем, из этой комнаты я один живым остался... Но шинель моя вся изорвана, полприклада автомата нет... Смотрю, один товарищ, который прилёт на кровать, она на части стены висит, а у него полчерепа нет... В общем, первое время сам не свой ходил, и мой начальник мне говорит: «Иди в госпиталь!» — «Да нет, — говорю, — чего это я пойду? Нормально более-менее». И так в госпиталь и не пошел. Неделю плохо слышал, но потом отошел.

А буквально через три дня попали мы под второй налет и уже его ранило. И главное, то же самое получилось. Опять поехали куда-то с ним в часть и там попали под бомбежку. Его ранило, не тяжело, но врач сказала, чтобы я его сопровождал до самого госпиталя. Приехали в Новочеркасск, в госпитале его разместили, но он мне вдруг говорит: «Знаешь что, останешься здесь со мной на несколько дней. Вдруг меня быстро выпишут?» А его, понимаешь, не осколком ранило, а куском

стены. А дома же там саманные, и вот, значит, кусочек этого самана ему прямо в ягодицу. Пошло воспаление, и врачи признали, что ему надо там остаться. Я устроился на квартиру недалеко от госпиталя, и каждый день после обеда ходил его проведать. Их в палате трое лежали: он, командир танковой бригады и командир танкового батальона.

И вот однажды прихожу под вечер, побыл у них и собрался уходить. Уже тишина в госпитале, все пошли спать. Выхожу на улицу, иду вдоль стены и вдруг слышу за ней какой-то гул. Понять ничего не могу, что это за гул такой? Такой, знаешь, вроде как паяльная лампа горит. А там в стене трещина была, я в нее глянул, а там огонь. Самый настоящий пожар! Видимо, в подвале что-то загорелось или подожгли. Обратно к ним кинулся, так и так. Подняли тревогу, всех успели вынести, ну, а их троих перенесли в дом, где я жил. Целую комнату освободили для них, приходила сестра из госпиталя. Но он мне говорит: «Нет, ты не уезжай пока! Подожди, пока меня переведут в тыловую госпиталь». Ну, и наступило время, я его отвез, простился. Он говорит: «Вот теперь езжай!» И дал мне два письма. Одно — начальнику особого отдела дивизии, а другое его заместителю.

Надо ехать, а как? Смотрю, машина стоит, груженная снарядами. Подхожу: «Вы не в 24-ю дивизию?» — «Да». — «Захватите меня, я же оттуда». — «Ладно, поехали. Если бы обратно, то другое дело. А на фронт — поехали!» Ну, приехал, все нормально, но дело в том, что буквально накануне пришел приказ Верховного Главнокомандующего об откомандировании лётного состава в авиачасти. Стали обратно всех собирать, но к тому времени от 180 человек нас осталось всего 22... Вот так в середине апреля мы оказались в Сальске, там стоял штаб

воздушной армии. И там мы с товарищами получили назначение в 284-й бомбардировочный авиаполк.

Прилетаем на самолете, и первым делом нас повели в столовую. А мы же все оборванные, кто в чем, но нас даже не переодели, сразу в столовую. Покормили, мы, конечно, под впечатлением: «Вот это живут летчики...» Мы же в своем арtpолку кухню почти не видели. Где она, а где мы — разведчики? Поэтому самое лучшее — это когда в кармане пшеничка есть. Самая настоящая пшеничка. Когда жрать захочешь, пожужь зерна, и голод пропадает. Вечно искали что-нибудь поесть. Помню, зашли однажды под вечер в какое-то село, мы же почти всегда первые заходим. А там, представляешь, посреди площади навалена огромная куча из мешков. Видимо, немцы перед уходом свезли с каких-то складов эту муку и подожгли. Мы на это дело посмотрели, дай, думаем, возьмем муки немного и скажем, чтобы нам к утру хлеб испекли. Вот захотелось нам нормального хлеба.

Заходим в один домик, а там женщины собрались к вечеру, сидят, плачут. Очень такие, знаешь, измученные. Мы их пожалели: «А что, если принесем вам муки мешочек?» Притащили два мешка, они ее поделили и испекли нам хлеба хорошего. Давно мы не ели такого.

А однажды, в Котельниково это дело было, тоже пошли в разведку уточнить, есть ли там еще немцы. Пришли — немцев нет. Спросили, люди говорят: «Так немцы еще вечером ушли!» Зашли на вокзал, смотрим — стоит эшелон. На платформах несколько танков, а остальные вагоны закрыты. Мы туда-сюда, всё посмотрели, открыли один вагон. Там консервы. Второй вагон открыли — бочки с мёдом. Третий вагон открыли — там шнапсы разные. Ну, хватит открывать, нам больше ничего и не надо. Набрали шнапса этого, бочку мёда выкатили. Метров

на пятьдесят от эшелона оттащили, брезентом накрыли. Но мы же сами это всё не унесем. Послали одного товарища, он привел какую-то брошенную румынскую лошадь. Погрузили и отправили в полк. Он всё довез в целости и сохранности, но нам, конечно, ничего не досталось. Хорошо, кое-что сами припасли. И вот интересный штрих.

Когда мы уже закончили это дело, начался грабеж эшелона. Местное население набежало, вояки разные. И вдруг подъезжает не то танкетка, не то броневик. Её командир обращается ко всем: «Разойдитесь! Разойдитесь!» С пулемета: «Т-р-р-р». Ни хрена! Никакого впечатления... И вдруг, откуда ни возьмись, два «мессера». Тут же никого не осталось возле эшелона. Как корова языком слизала. Сделали круг, немножко с пулеметов построчили и ушли. Представляешь, наши с пулемета стреляют, никакого впечатления. А услышали звук «мессеров» — сразу разбежались все. Так что насчет питания у нас было непросто. А на Дону вообще трудновато. Когда пришли на Дон — никого из казаков нет. Стоят пустые дома. Все ушли, черт их бери... Так что было много и всякой дряни...

После столовой пошли в баню, переодели нас, обмундировали. А после ужина привели в клуб. Там нары стоят, на них постели застелены. Чистота кругом... Ничего себе, думаем, вот это живут летчики... Не то что я, за всю зиму под Сталинградом ни разу не спал в доме, только на улице. Ну и там мы всего за два месяца прошли переподготовку на «пешки» — Пе-2, это пикирующий бомбардировщик, если знаешь. И уже с июня полк стал участвовать в боях.

Снова начали почти с Дона и двигались в сторону Украины. Фронтовая авиация занимается чем? Фронт-

выми делами. Наша задача бомбить передовую, укреп-районы, аэродромы, железнодорожные узлы, скопления танков, вот так в основном. И насчет аэродромов хочу рассказать.

Под Сталином, сейчас это Донецк, у немцев действовал сильный аэродром, и уже ближе к осени, в августе, наверное, нам поставили задачу вывести его из строя. Разбомбить там всё к чертовой матери.

Полетела вся дивизия — это значит, три полка по четыре девятки, считай, 110 бомбардировщиков и 200 истребителей. Вот вся эта армада в шесть часов утра двинулась на Сталино, но каждый полк выполнял свою задачу. И мы его разнесли в пух и прах... Но знаешь, что интересно? Когда сбрасывают бомбы, от пиропатронов открываются замки, и они падают. Но, после того как сбросил, мы обязательно продёргивали еще аварийное сбрасывание, чтобы, если какая-то бомба случайно осталась, не тащить ее домой. Ну а ведь что такое, собственно, воздушный бой? Я же, повоював в наземных войсках, оказавшись в авиации, сравнивал. Считаю, одно и то же, что атака в пехоте. Ничем не отличается. Ты идешь, а в тебя стреляют. Только разница, что на земле в тебя лупят автоматчики, там пулеметчики, минометы бьют. А тут нет автоматчиков, нет пулеметчиков, но есть истребители и есть зенитные орудия разных калибров. А остальное, считай, всё одинаково. Ну, условия. Хотя, знаешь, в летных частях есть две касты. Есть белая кость, есть черная кость. Весь технический состав — это черная кость. А летный состав — белая кость. Для летного состава — всё, а технический сам за себя. Но главное отличие — что воздушный бой скоротечный. На земле бой может и целый день идти. А здесь всего-навсего час-полтора. Ты летишь, цель, допустим, ки-

лометров за 20–30 за линией фронта. А может, и за 50. Ты идешь к линии фронта, и, уже подлетая к ней, ты можешь ожидать истребителей противника. Это — раз. Второе — тебя начинают обстреливать с передовой все кому не лень. Но мы над линией фронта шли 3–3,5 тысячи метров, так чтобы малокалиберные зенитки, «эрликоны» разные, не доставали нас. Но бывало и так, что начинает и средний калибр бить, это уже хуже. Ладно, передовую пролетаем. Если истребителей нет, то мы, значит, идем до цели. Но еще на подходе тебя опять встречают зенитки, и начинается... Главное — первые разрывы. Всегда смотришь, где первые разрывы. Немцы ведь стреляли так — пять выстрелов, смена кассеты, поправка и снова пять выстрелов. И если их тут стоит 20–30 пушек, да еще стреляют точно, а они точно стреляли. А эти разрывы настолько сильно слышно, вот такие шапки, да еще запах их слышно. Представь, слышно запах! И вот только увидел, что разрывы впереди, тут сразу раз — на 100 метров вверх, и разрывы уже внизу. Знаешь, что следующий перенесёт, и делаешь вправо 15 градусов. Там тоже разрывы, но ты не один, у тебя звено. Я уже штурманом звена был. У тебя звено, они рядом с тобой идут — крыло в крыло. И, собственно говоря, все команды подаёшь ты — штурман. Смотришь и подаёшь команды, а лётчик их выполняет. И когда до цели остается каких-нибудь 4–5 минут, тут уже всё, всякие маневры заканчиваются. Ты становишься на боевой курс, старший штурман дает тебе, допустим, курс — 270, скорость — 360, высота — 3200. И всё, он как замер, так и идет, не двигаясь никуда. И за ним всё звено идет, эскадрилья, а то и полк. Замерли и идут на цель. Вот тут по тебе как хочешь стрелять могут. Но даже когда бомбы сбросили, это ещё не все. Надо обя-